

Кибернетический децизионизм академика Глушкова

Игорь Игоревич Кобылин — кандидат философских наук; доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания РГГУ, преподаватель программы «Политическая философия» МВШСЭН, доцент Приволжского исследовательского медицинского университета; e-mail:kigor55@mail.ru

Ключевые слова: гувернаментальность, кибернетика, децизионизм, советская философия, политическая теология, аутопоэзис, диалектическая негация

Статья посвящена анализу проекта ОГАС академика Виктора Глушкова в контексте теории гувернаментальности Мишеля Фуко. Обычно Глушков рассматривается как чистый технократ, пытавшийся создать тотальную систему машинного управления и часто подозревавшийся даже своими коллегами в исключительном внимании к техническому контролю над социально-экономическими процессами. Однако исследование показывает более нюансированную картину. Новое кибернетическое управление, по Глушкову, предполагало не только полюс машинной аналитики, но и полюс «суверенного» решения. При этом двухполюсная управленческая машина обладает свойствами самоподобия: она сама становится «суверенным» органом по отношению к сложившейся системе администрирования экономики, где автоматическое следование нормативам и циркулярам порождает в свою очередь неформальный «суверенный» процесс. Это проявляется и в историософских размышлениях Глушкова: решая проблему перехода второго информационного барьера, он показывает, как ОГАС диалектически снимает дуализм иерархической политики и товарно-денежной экономики предыдущего периода, воспроизводя в новом единстве киберуправления их ключевые свойства. Такое использование диалектического (гегелевского) языка как раз и позволяло сделать акцент на необходимости суверенного волевого вмешательства. При этом чувствуя уязвимость «полюса» решения, Глушков планировал — через техническое управление социальной средой — и производство новой субъективности.

Статус кибернетики как дисциплины изменялся в Советском Союзе от одной крайности к другой. До середины 50-х годов она оценивалась в некоторых идеологических статьях как «буржуазная наука». В 60-х и начале 70-х годов кибернетика заняла в Советском Союзе намного более престижное положение, чем где-либо еще в мире. В конце 70-х и в 80-х годах ее статус значительно понизился, хотя она и продолжала сохранять определенную популярность¹.

Эти слова американского историка советской науки Лорен Р. Грэхэма кратко суммируют приключения кибернетики и в публичном советском дискурсе, и в институциональном контексте. Действительно, из «науки» мракобесов», тоскующих по «механическим солдатам», кибернетика довольно быстро превращается в один из главных инструментов, призванных «значительно повысить темпы строительства коммунизма»². Этот инструмент оказывается настолько важен, что удостоивается специального упоминания в новой Программе КПСС, принятой Пленумом ЦК летом 1963 года.

Эпоха кибернетических «бури и натиска» хорошо задокументирована и описана — и самими действующими лицами, и историками-исследователями. Так, Борис Малиновский — руководитель одного из отделений Института кибернетики, возглавлявшегося Виктором Глушковым, главный конструктор «управляющей машины широкого назначения» «Днепр», один из разработчиков компьютеров «Электроника С5» и «Нейрон», — написал несколько книг, посвященных истории советской вычислительной техники, ценных как раз внутренней оптикой непосредственного участника и свидетеля³. В качестве образцового исторического исследования можно назвать работу Славы (Вячеслава) Геровича «От новояза к киберязы: история советской кибернетики» (2002), ревизионистски пересматривающую советский кибернетический бум и его последствия в духе ревизионистского же направления в американской историографии, пересмотревшего тоталитарную версию советской истории в целом⁴.

¹ Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе / Л. Р. Грэхэм. — М.: Политиздат, 1991. — С. 266.

² Берг А. Кибернетику — на службу коммунизма / А. Берг // Возможное и невозможное в кибернетике. Сборник статей / под ред. академиков А. Берга и Э. Кольмана; составитель В. Д. Пекелис. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 220.

³ См.: Малиновский Б. История вычислительной техники в лицах / Б. Малиновский. — Киев: фирма «КИТ», ПТОО «А. С. К.», 1995. — 384 с. — SBN 5-7707-6131-8; Малиновский Б. Н. Нег ничего дороже... / Б. Н. Малиновский. — К.: Горобець, 2005. — 336 с. — ISBN 966-8508-04-1.

Однако в последнее время — в связи с обострившимися дискуссиями о новых возможностях искусственного интеллекта, о цифровой экономике и дигитальной демократии (на глазах оборачивающейся дигитальном же тоталитаризмом), об алгоритмической гвернаментальности и ее последствиях для будущего политики как таковой — интерес к истоку нынешней цифровой культуры, и особенно к альтернативному, советскому, варианту этого истока, ощути-мо усилился. Появляется большое количество работ — и научных, и популярных, — не только с долей ресентимента оплакивающих упущенный «последний шанс» перезапуска (на этот раз технократического) советского проекта⁵, но и пытающихся разглядеть в социалистическом прошлом кибернетики семена достойного будущего.

Вышедшая в 2016 году книга американского исследователя Бенджамина Питерса о проектах создания советского интернета — и прежде всего о проекте ОГАС (Общегосударственная автоматизированная система учета и обработки информации) Виктора Глушкова⁶ — спровоцировала целую волну дебатов о потенциальных перспективах ОГАС и для позднесоветской экономики (которая, как полагают некоторые, потому и развалилась, что ее руководители не воспользовались идеями Глушкова), и — в каком-то, конечно, модифицированном виде — для современной. Нам уже приходилось писать об этой работе, так что ее подробное реферирование представляется излишним⁷. Но важно напомнить о том, чего у Питерса в эксплицитном виде нет, но что так или иначе вытекает из его исследования. Глушковский ОГАС и другие советские кибернетические наработки стоит рассмотреть в контексте исследований гвернаментальности, начатых Мишелем Фуко в середине 70-х⁸.

Крайне плодотворные попытки описать советскую кибернетику и системный анализ в качестве значимого эпизода истории

⁴ Gerovitch S. From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics / S. Gerovitch. – Cambridge: MIT Press, 2002. – 369 p. – ISBN 0-262-07232-7. Из недавних исследований кибернетического управления см.: Сироткина И. От контроля сверху к самоорганизации: от тепель и теория управления движениями / И. Сироткина // Философско-литературный журнал «Логос». – 2020. – №2 (30). – С. 129–156.

⁵ Об этом жанре см.: Абрамов Р. Советские технократические мифологии как форма «теории упущенного шанса»: на примере истории кибернетики в СССР / Р. Абрамов // Социология науки и технологий. – 2017. – Том 8. № 2. – С. 61–78.

⁶ Peters B. How Not to Network a Nation: The Uneasy History of the Soviet Internet / B. Peters. – Cambridge: MIT Press, 2016. – 312 p. – ISBN 9780262534666.

⁷ См.: Кобылин И. «Правда», «Время» и кибернетика: непростая история позднесоветских медиа / И. Кобылин // Новое литературное обозрение. – 2019. – № 4 (158). – С. 306–319.

губернаментальности уже предпринимались. Так, например, Эгле Риндзевичуте в работе «Власть систем» анализирует советское научное управление в терминах Фуко и даже вводит специальное понятие «системно-кибернетическая правительственность» (*system-cybernetic governmentality*)⁹. Согласно Риндзевичуте, это системно-кибернетическое управленчество сыграло роль исчезающего посредника: используя кибернетику, авторитарное партийное руководство стремилось усилить собственную власть, но в итоге кибернетика и системные исследования способствовали краху этой власти. Отталкиваясь от сформулированного Николасом Роузом, одним из ключевых современных исследователей губернаментальности, тезиса о том, что свобода — это не отсутствие какого-либо контроля вообще, а скорее эффект работы сложного, исторически подвижного комплекса дисциплинарных техник и механизмов¹⁰, Риндзевичуте наделяет импортированное «научное управление» перформативным измерением:

Согласно Теодору Портеру, производство и использование безличных числовых данных служит важным источником доверия в демократических системах. Портер показывает это на примерах Франции, Великобритании и США. Лорен

⁸ Фуко использует термин *gouvernementalité*. Российские переводчики так и не пришли к консенсусу, как именно стоит это слово переводить. В настоящее время встречаются три основных варианта: губернаментальность, управленчество и правительственность. Мы будем пользоваться всеми тремя в зависимости от стилистического контекста. См.: Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2011. – 544 с. – ISBN 978-5-02-037115-6.; Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2010. – 448 с. – ISBN 978-5-02-025439-8. Губернаментальности у Фуко посвящена огромная исследовательская литература. См., например: Дин М. Правительственность: власть и правление в современных обществах / М. Дин. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 592 с. – ISBN 978-5-7749-1190-5.

⁹ Риндзевичуте полагает, что само понятие губернаментальности возникает у Фуко – пусть и опосредованно – как интеллектуальная реакция на развитие и широкое применение системно-кибернетических методов управления на послевоенном Западе: «Я не утверждаю, что Фуко просто использовал системно-кибернетические идеи в своем интеллектуальном проекте по переосмыслению изменившейся природы управления в современном государстве (хотя он вполне мог так сделать). Скорее само появление исследований губернаментальности нужно понимать как результат фиксации реальных перемен в практиках управления <...> В своем исследовании я предлагаю путешествие по ленте Мёбиуса, где фукольдианская перспектива губернаментальности может быть рассмотрена в качестве составной части системно-кибернетического мира управления». Rindzeviciute E. *The Power of Systems: How Policy Sciences Opened Up the Cold War World* / E. Rindzeviciute. – Ithaca; London: Cornell University Press, 2016. – 306 p. – ISBN 9781501703188.

¹⁰ См.: Rose N. *Powers of Freedom: Reframing Political Thought* / N. Rose. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 334 p. – ISBN 0521659051.

Грэхем выдвигает аналогичный аргумент в отношении Советского Союза — цифровые данные играли здесь сопоставимую роль, но несколько иным образом. Хотя советская статистика подвергалась печально известным манипуляциям, тем не менее квантификация и технонаучный рационализм создавали пространство для реформ. Растущая институциональная мощь научного управления оказало разрушительное воздействие на во многом иррациональную сталинскую систему¹¹.

Однако такой подход имеет свои ограничения. Безусловно, версия Риндзевичуте далека от той линейной траектории — от тоталитарного рабства к свободе, — которая слишком часто рисуется в упрощающих реальное положение дел исследованиях и популярных изложениях. Либерализация — это не долгожданное обретение от века данной естественной свободы, а переход от одной конфигурации дисциплинарных техник к другой. Тем не менее сам переход описывается как подготовленный технонаучной нормативностью переход от *иррационального* авторитарного зазеркалья к *рациональному* в своей основе устройству общества. Отождествленный с иррациональным авторитаризмом советский проект лишается тем самым того внутреннего противоречия, который ему, несомненно, присущ. В конце концов, он не только задумывался в качестве прогрессивно-освободительного, но во многих аспектах действительно реализовался в качестве такового, так что быть антисоветчиком и отвергать «совок» в его тотальности часто означало симпатизировать карикатурно гипертрофированной «буржуазности», включавшей в себя и обскурантизм, и элитизм, и антифеминизм¹². Книга Питерса как раз и хороша тем, что она показывает парадокс советского общества на более глубоком уровне: не системно-кибернетическое управление развалило советское идеологизированное государство, а наоборот — последнее не смогло вобрать в себя кибернетические достижения именно потому, что было недостаточно советским: министерства и ведомства вели себя как частные акторы на административных рынках, отстаивая свои партикулярные интересы в противовес общему благу.

¹¹ Rindzeviciute E. Op. cit. P. 14.

¹² О специфической «буржуазности» перестроечных советских программистов, своего рода «неверных наследников» кибернетиков-утопистов 60-х, см.: Конрадова Н. Археология русского интернета. Телепатия, телемосты и другие техноутопии холодной войны / Н. Конрадова. — М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2022. — 288 с. — ISBN: 978-5-17-136499-1.

Еще более проблематичным является акцент на антиперсоналистском характере кибернетического управления. На первый взгляд, этот антиперсонализм представляется очевидным: действительно, только машина способна защитить общество от эксцессов культа личности и волюнтаристских перегибов со стороны «партийных суверенов». А уж там, где, как у Глушкова, речь идет о тотальной системе автоматизированного управления, машинном «динамическом планировании», банках данных не только на производственных предприятиях, но и на уровне потребительских сообществ в жилых микрорайонах — антиперсоналистский технократизм достигает своего апогея, вызывая законные подозрения в существенном перехлесте. Глушков часто неодобрительно изображался чистым технократом не только его «гуманитарными» противниками¹³, но и коллегами по «управленческому» цеху — например, академиком Никитой Моисеевым.

Но как будет продемонстрировано ниже, технократизм Глушкова имел и «суверенный» персоналистский полюс — децизионистский полюс «решения», который в общем функционировании управленческой машины¹⁴ оказывается не менее важным, чем полюс «аналитики» и алгоритмической регуляции. Концепция Глушкова, взятая в ее целостности, с большим трудом встраивается в готовые идеологические нарративы — будь то консервативно-советский, леволиберальный или анархо-либертарианский — и в его левом, и в его правом изводах. Однако если мы действительно хотим, стряхнув пыль с кажущихся нам привлекательными концепций прошлого, воспользоваться ими для построения будущего, то мы должны четко представлять себе их во всем их реальном (и часто неудобном для нас) объеме — для того, чтобы их возвращение

¹³ Известный среди прочего и своей жесткой позицией по отношению к излишнему увлечению кибернетикой философ Эвальд Ильенков написал довольно злую пародию, в одном из персонажей которой узнается Глушков. См.: Моголь Г. Записки Б. С. Безумцева, кандидата неких наук / Г. Моголь // Философия Э. В. Ильенкова и современность. Материалы XVIII Международной научной конференции «Ильенковские чтения». Белгород, 28–29 апреля 2016 г. / под общ. ред. А. Д. Майданского. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. – С. 10–15.

¹⁴ Используемое здесь понятие «управленческой машины» с ее полюсами отсылает к концепции «провиденциальной машины» Джорджо Агамбена, выдвинутой им в работе «Царство и слава», посвященной теологическим истокам современной гвернаментальности (см.: Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления / Дж. Агамбен. – М.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. – 552 с. – ISBN 978-5-93255-521-7). Однако концептуальная связь между этими понятиями здесь только намечается, но подробно не разрабатывается – этот сюжет, безусловно, требует отдельного исследования.

было возвращением избирательного отличия, а не тоскливым возвращением Того же самого.

«Управление собой» советского кибернетика

В книге «Маленькие рассказы о больших ученых» (2013) раздел о Глушкове открывается коротким вступлением, которое задает специфическую тональность дальнейшему повествованию, представляющему собой монтажную сборку мемуаров самого Глушкова и воспоминаний о нем его коллег. В этом вступлении, написанном, по всей видимости, кем-то из авторов-составителей сборника, цитируются названия статей о Глушкове в западной прессе: так, интервью с ним в берлинской «Neues Deutschland», взятое в апреле 1969-го, вышло под заголовком «Человек, который пришел из будущего»; чуть раньше «Washington Post» назвала Глушкова «царем советской кибернетики», а спустя некоторое время он из царя превратился в «Бога кибернетики». Прозвища эти квалифицируются в «Маленьких рассказах...» как неудачные, но далее «политтеологическая» (царь/Бог) метафорика¹⁵ не столько отвергается в принципе, сколько примечательным образом корректируется: «Он был типичным представителем своей эпохи, когда уверенность в том, что человек “своею собственной рукой”, вооруженной силой науки, может добиться всего, была своеобразной религией»¹⁶.

В данном контексте не так важно, насколько адекватно язык политической теологии описывает специфику советской власти вообще и советской науки в частности. Важно, что он с завидной регулярностью используется и что в данном случае эта «своеобразная религия» предполагает определенный способ субъективации, если угодно — определенную «аскетичность». Базовые параметры этой субъективации — на примере жизненного пути Глушкова — задаются буквально в следующем абзаце: с одной стороны, цели должны быть неизмеримо выше

¹⁵ Конечно, подобные эпитеты широко распространены в масс-медиа и могут относиться к спортсменам или поп-звездам. Однако то, с какой готовностью авторы вступления подхватывают идею советской «религии», и то, какое место в ней занимает мотив широко понятой «суверенности», позволяет нам все-таки воспользоваться термином «политтеология», хотя и взятом в кавычках. Краткий обзор «религиозных» концепций советского коммунизма см. в: Рыклин М. Коммунизм как религия: Интеллектуалы и Октябрьская революция / М. Рыклин. — М.: Новое литературное обозрение, 2009. — 136 с. — ISBN 5867937240.

¹⁶ Маленькие рассказы о больших ученых. Юбилейный сборник избранных публикаций Н. Амосова, С. Лебедева, В. Глушкова и воспоминаний современников / под ред. Б. Н. Малиновского. — Киев: Горобец, 2013. — 400 с.

узко понимаемого личного интереса, а с другой — при всей грандиозности и даже фантастичности поставленных задач их нельзя оставлять на уровне пустого прожектерства. Чтобы достичь целей, необходима самодисциплина — практически все мемуаристы подчеркивают исключительную работоспособность Глушкова:

Он был очень компанейским, располагающим к себе своими знаниями, эрудицией, простотой, а главное — титанической работоспособностью. Все вечера, а зачастую и ночи он просиживал над учебниками, особенно математическими, исписывая множество тетрадей всевозможными вычислениями и выкладками. Бывало, заглянешь в его книгу, а там — сплошные интегралы, дифференциалы, в тетрадях — то же самое. Для нас это было непостижимо и трудно понимаемо. При всей его исключительно высокой теоретической подготовке, буквально по всем дисциплинам, он этим не кичился и очень много занимался¹⁷.

Понятно, что свой отпечаток на все подобные воспоминания накладывал жанровый канон советской «агиографии». Но и сам Глушков постоянно подчеркивает кантианский мотив самопринуждения — не доверяя автоматизму склонности и таланта, он буквально заставлял себя заниматься тем, что получалось плохо или интересовало меньше. Это суверенное владение собой он демонстрировал потом всю жизнь. Сам переход Глушкова от чистой математики к куда более практически ориентированной кибернетике многими рассматривался именно как акт своеобразной аскезы. Академик Борис Патон в статье «Уроки Глушкова», опубликованной в «Правде» в августе 1983 года (к 60-летию юбилею Глушкова, умершему годом ранее), писал:

Да, переход в кибернетику был патриотическим актом, ибо в алгебре Глушков уже обладал мировым именем. Не ради личной славы пошел Виктор Михайлович на этот труднейший участок, ступил на неизведанный путь, где его ждали колоссальные трудности. Он исходил из глубокого понимания кардинальных направлений научно-технического прогресса, жизненных интересов и нужд страны¹⁸.

Примерно так же писал о Глушкове и Виталий Моев — сотрудник «Литературной газеты», специальный корреспондент отдела «Человек и экономика». В выдержавшей несколько изданий книге «Бразды управления. Диалог с акад. Глушковым» он подчеркивает,

¹⁷ Там же. С. 172. Цитируется воспоминание сокурсника Глушкова Г. Н. Мокренко.

что кибернетически-хозяйственные заботы академика не объясняются ни стремлением к наслаждению (наслаждение приносит доказывание математических теорем), ни стремлением к славе (славу ему уже принесла теория цифровых автоматов). Далее Моев переходит на метафорический язык — речь идет о строительстве «мостов», связывающих «башни» (чистой науки) и друг с другом, и с миром, и с будущим. Эти метафоры мало что проясняют в мотивах, но понятно, что речь идет о некоем испытании – хочется остаться в башне, но нужно строить мосты.

Преодолевать, впрочем, приходилось не только собственное, но и внешнее сопротивление. Рассказ Малиновского о разработке и внедрении в серийное производство первых УМШН (управляющих машин широкого назначения) напоминает сводки с фронтов — нечеловеческое напряжение, героизм, борьба с саботажем заводского начальства и непрофессионализмом рабочих:

...Когда получили с завода первый комплект устройств машины, нас объял ужас. Это было скопище деталей – и только. Многочисленные паянные соединения между ними были выполнены самым отвратительным образом и постоянно отказывали. ... Помню, в те тяжелые дни я собрал всех сотрудников моего отдела и сказал: — Понимаю, что исправить все дефекты в машине — работа очень нелегкая. Но на фронте было тяжелее. Поверьте мне: вы же не хуже фронтовиков! ... Мои слова возымели действие: сотрудники работали, не щадя сил (А. Г. Кухарчук, В. С. Каленчук, Л. А. Корытная, В.Г. Пшеничный, И. Д. Войтович, В. В. Калашников и др.), и с исправлением брака, а также с отладкой УМШН, затратив огромный труд, мы все же справились¹⁹.

Конечно, ОГАС задумывался именно для того, чтобы избежать подобной штурмовщины: героизм и самопожертвования на производстве – это, как правило, следствие плохо организованного управления. Но, как мы сейчас увидим, «суверенный» полюс, по Глушкову, предполагался и в новой управленческой системе, в качестве ее необходимого элемента. В уже упоминавшейся книге Моева, которая послужит нам материалом для дальнейшего анализа, Глушков много и подробно говорит об этом.

¹⁸ Там же. С. 189.

¹⁹ Там же. С. 178–179.

Пирамиды и сети, «решение» и «аналитика»

Популярно объясняя широкой публике устройство ОГАС и ее преимущества для экономики страны, Глушков подчеркивал, что автоматизированная система — это не только сами автоматы, но и люди. Более того, прежде всего — люди. Новая система востребует и новый тип управленцев. Управленческий корпус будущего должен иметь два полюса — полюс аналитики и полюс «решения». С аналитикой все более или менее понятно — Глушков подробно описывает управленческие задачи, встающие перед учеными-системщиками (исследователями операций) на реальных предприятиях. Главной из этих задач является снижение неизбежной неопределенности ситуации, в которой приходится действовать. Глушков приводит пример, связанный с конкретной проблемой, — необходимо вдвое увеличить перевозки грузов торговым флотом. Первое, и самое тривиальное, что приходит в голову плохому управленцу — или, вернее, управленцу, работающему в старом, «административном» режиме, — это увеличить число судов. Однако самое первое и очевидное — не значит самое эффективное. Системные аналитики, разложив проблему на составляющие, показали, что ключевым фактором замедления работы флота является плохо организованная погрузка-разгрузка в портах. Корабли подолгу простаивали без дела. Если наладить соответствующие портовые службы, можно существенно ускорить перевозки без дорогостоящего пополнения флотилии.

Вместе с тем системно-аналитическая работа с данными не отменяет необходимость принятия решения. Более того, эта необходимость только возрастает. Как это ни парадоксально, неопределенность, в которой оказывается любой руководитель, после всех научных выкладок не только не снижается, но скорее даже повышается. Как показывает Глушков, она меняет свой характер: вариантов становится больше (следует учитывать множество параметров — экономическая эффективность может иметь слишком высокую социальную цену или потребовать невыполнимых на месте технических операций), но теперь мы с уверенностью можем сказать, что среди них действительно есть наилучший. Возможность ошибиться растет вместе с количеством вариантов, но появляется и гарантия существования самого правильного — в данных условиях, конечно²⁰.

²⁰ Моев В. Бразды управления. Диалог с акад. В. М. Глушковым. Изд. 2-е, доп. / В. Моев. — 2-е изд. — М.: Политиздат, 1977. — 254 с.

Отсюда и критическая важность «суверенного» полюса управленческо-кибернетической машины. Соответствующие страницы в «Браздах управления» — это настоящий гимн *децизионизму*, заставляющий вспомнить едва ли не Карла Шмитта. У занимающего суверенный полюс руководителя три основные функции — постановки задачи, организация «выполнения решения» (суметь заставить находящийся в подчинении коллектив довести выполнение до конца) и, наконец, самая сложная, по Глушкову, функция — функция *принятия* решения. Этот «момент решения» мобилизует совсем другие человеческие качества, нежели аналитическая работа. Ученый может бесконечно выдвигать новые гипотезы, искать оптимальные средства их проверки, спорить с другими аналитиками, уточнять собственную позицию и так далее. Но в какой-то момент все дебаты и обсуждения должны быть прекращены волевым вмешательством руководителя. Если он на такое вмешательство не способен, то машина забуксует в непрерывных дискуссиях.

Подобный руководитель теряется перед несовершенством, так сказать, любого из предлагаемых вариантов. Теряется и медлит... Вот поистине ультрасовременная ошибка, вызываемая не капризами субъективизма, а проистекающая из-за “перегиба научности” — фактически же из-за недостатка решимости, готовности принять и нести бремя ответственности²¹.

В беседах Глушкова и Моева напрямую цитируется только Брежнев, но недвусмысленные намеки и на эпоху культа Сталина, и на волюнтаристские перегибы Хрущева, безусловно, присутствуют. Так, Глушков — в небольшом подразделе диалогов с характерным названием «С особыми полномочиями» — предостерегает:

Самой большой опасностью мне кажутся скороспелые меры, попытки разрубить гордые узлы одним махом. ... Мы осудили волюнтаризм, пренебрегавший научным подходом к народнохозяйственным проблемам. Но порою отголоски волюнтаризма еще чувствуются. Только теперь проявляются не в чисто административной форме, а как бы под маской²².

В общем волюнтаризм — будь то в форме эксцесса «научности» или, напротив, в форме ее недостатка — однозначно отвергается, но отвергается именно в качестве негативного двойника подлинного

²¹ Там же. С. 61.

²² Там же. С. 51.

волевого руководства. Более того, самая новая управленческая машина, по всей видимости, с обоими ее полюсами (и аналитическим, и «децизионистским»), должна получить определенную автономию по отношению к отраслевым министерствам и ведомствам и иметь право «суверенного» вмешательства в их дела. Глушков настаивает на создании специального централизованного управленческого органа (с теми самыми «особыми полномочиями», вынесенными в заголовок), который стал бы не «бессильным» придатком уже существующих административных иерархий, а «руками», держащими бразды управления на всех уровнях и во всех структурах экономики страны. Должен быть создан Госкомитет по совершенствованию управления на базе электронно-вычислительной техники. Это штаб разработки проекта ОГАС с Главным конструктором системы координационно-вычислительных центров у руля. У такого Госкомитета, по замыслу Глушкова, будут подразделения во всех министерствах, — и необходимо, чтобы возглавляли эти подразделения «люди инициативные, с повышенным чувством творческого беспокойства». И у этих инициативных и беспокойных людей (вместе с подчиненными им аналитиками) появляются крайне широкие полномочия для вмешательства:

Прежде все право обращаться к работникам министерства любого уровня за объяснением всех приемов управления. Аналитикам обязаны предоставлять все материалы, помогать выяснять механизм прохождения бумаг, степень загруженности работников, распределение ответственности, порядок принятия решений и так далее²³.

Глушков не поясняет, как конкретно будут строиться взаимоотношения министерств и нового Госкомитета²⁴, но многозначительное «и так далее» в конце цитаты, говорит о серьезных экспансионистских планах разработчиков киберруководства²⁵.

²³ Там же. С. 53.

²⁴ Из рассуждений Глушкова в «Браздах управления» не очень понятно, как именно должны соотноситься полномочия хозяйственного руководителя и руководителя ведомственного подразделения «специального органа» и кто конкретно принимает итоговое решение. Судя по дальнейшему направлению беседы, это все-таки должен быть «хозяйственник», но изначально обладающий необходимыми личными качествами, соответствующим образом обученный (управленец — это не должность, а особая профессия) и управленчески индоктринированный: «Как и всякая профессия, руководство требует определенных природных данных, специальной подготовки, и она, профессия, конечно, накладывает на личность свою печать. А главное, что требуется от руководителя, — уметь выдвигать плодотворные идеи, ставить задачи и организовывать их решение. Требования к хозяйственному руководителю и ответственность его при наличии АСУ резко возрастают». (Там же. С. 65).

Кибернетическая историософия

В определенном смысле можно сказать, что двухполюсная система киберуправления, разрабатывавшаяся академиком Глушковым, обладает свойствами самоподобия: управленческая машина с ее режимами «аналитики» и «решения» сама становится «суверенным» органом по отношению к сложившейся системе администрирования экономики, где в свою очередь автоматическое следование нормативам и циркулярам порождает свой неформальный «суверенный» эксцесс — вынужденный произвол руководства, лавирующего между спускаемыми планами и реальными возможностями предприятий.

Это свойство проекта, призванного лишить «суверенность» ее полукриминального характера, сделать ее элементом системы, но элементом именно суверенным, то есть способным на творческое решение, нарушающее сложившиеся правила, проявляется и в подходе Глушкова к истории.

Говоря о внедрении ОГАС, Глушков вписывает ее в мировой исторический процесс на правах фундаментального изобретения человечества — ну, или, вернее, одного из вариантов такого изобретения. Речь в буквальном смысле идет об исторической необходимости. Скрывая за полушутливой формой вполне серьезное содержание, Глушков говорит о двух кризисах управления в человеческой истории. Первый кризис отделил первобытную эпоху (общинно-родовой строй) от эпохи раннегосударственной. Усложнение форм хозяйственной жизни и, соответственно, увеличение информации, которую необходимо запомнить лидеру той или иной общины для успешного управления ее жизнью, могло вызвать перегрев и коллапс родовых форм власти.

Человеческий мозг – и мозг того старейшины тоже — ведь это живая кибернетическая машина довольно большой, хотя и ограниченной мощности. Так вот, до поры до времени одного

²⁵ Эти экспансионистские планы, умело использованные противниками Глушкова, в конечном итоге и погубили ОГАС. Глушков вспоминал: «Да, я забыл сказать, откуда взялось отрицательное решение по нашему предложению. Дело в том, что Гарбузов сходил к Косыгину и сказал, что Госкомупр есть организация, с помощью которой ЦК будет смотреть, правильно ли Косыгин и Совет Министров в целом управляют экономикой. А мы в проекте специально подчеркивали, что Госкомупр должен работать под непосредственным управлением ЦК КПСС. И возражения последовали от А.Н. Косыгина, а раз он возражал, то, естественно, это принято быть не могло. Но мы тогда этого не знали, это стало известно мне года через два по нескольким независимым каналам, прежде всего через помощников А.Н. Косыгина». (Там же С. 206).

мозга вполне хватало для управления примитивным хозяйством. Но постепенно оно все усложнялось, ветвилось. ... Мощности одного среднего мозга стало мало, чтобы хранить в памяти модель производства²⁶.

Человечество справилось с первым кризисом, ответив на исторический вызов двумя «великими открытиями» — политическим и экономическим. Политическое состояло в изобретении властной иерархии — пирамиды, в которой между верховным правителем и непосредственными исполнителями располагались опосредующие бюрократические звенья, существенно облегчавшие управленческие задачи. Экономическое — это внедрение товарно-денежных отношений. Ценой выхода из информационного кризиса было появление классового неравенства, частной собственности, эксплуатации человека человеком, но проблема на долгое время оказалась решенной.

Люди выработали экономические критерии и механизмы, целый аппарат разного рода заинтересованностей (я беру это слово в широком смысле), благодаря которым удалось заставить согласованно работать многочисленные умы. Параллельно с мозгом старейшины «включились» и другие, мощность живой «кибернетической машины» возросла, как это бывает и с системами ЭВМ²⁷.

Второй кризис, как не сложно догадаться, приходится на актуальную современность. Количество экономических единиц, а главное — связей между ними растет теперь в геометрической прогрессии, так что традиционные политические институты и рынок в качестве экономического инструмента перестают справляться с бешеным информационным потоком. Начало приближения ко второму информационному барьеру в истории человечества приходится на 30-е годы XX века. Осознавать это стали и в капиталистических странах, и в СССР. Хотя, конечно, Глушков об этом впрямую не говорит, но все его рассуждения подводят читателя к тому, что не сама по себе Октябрьская революция открыла новый исторический этап — скорее, социалистические преобразования, ею начатые, служат лишь созданию благоприятных условий для следующего, подлинно революционного, рывка, заключающегося в разработке и масштабном развертывании универсальной кибернетической сети.

²⁶ Там же. С. 86–87.

²⁷ Там же. С. 88.

Действительно, то, что полноценное применение достижений кибернетики возможно только в социалистических странах, стало общим местом в советских дебатах о кибернетической науке со времени ее официальной реабилитации в публичном поле. Так, например, академик Аксель Берг в статье «Наука величайших возможностей» (1962) писал:

В стране намечено построить управление всем народным хозяйством по единой системе, через специально создаваемые для этой цели мощные вычислительные центры, снабженные современными сверхбыстродействующими электронными вычислительными машинами и связанные с планирующими, финансирующими, транспортными и промышленными организациями единой системой так называемой технологической автоматической связи. Это позволит обеспечить получение руководящими органами своевременной полноценной информации о ходе и развитии хозяйственной деятельности в стране и даст возможность оперативно, непрерывно и в наивыгоднейшем режиме управлять им... *С такой системой управления не сможет соперничать ни одна капиталистическая система, так как она всегда построена на противоречивых, антагонистических интересах разных групп населения* (курсив мой. — И.К.)²⁸.

Примерно так же размышлял и Глушков. Рыночная экономика — это тоже кибернетический механизм. С управленческой точки зрения главное в ней — сигналы обратной связи. Однако сегодня эти сигналы становятся все более ненадежными. Глушков называет три ключевых фактора, обрекающих рынок на запаздывание: радикальное увеличение самой номенклатуры товаров, ее непрерывное обновление и одновременно инертность структуры массового производства. Здесь не ставится задача выяснения, насколько точным был диагноз, поставленный советским кибернетиком рыночной экономике. Важно проследить саму логику его размышлений. Рынок обеспечивает автоматизм обратной связи, но ее скорость недостаточна. «Автоматически — это хорошо, но медленно — это очень плохо. Сигналы запаздывают, а если быть точным, приходят с такой скоростью, которая вчерашнюю экономику устраивала, а для нынешней уже не годится»²⁹.

²⁸ Берг А. Наука величайших возможностей / А. Берг // Природа. — 1962. — № 7. — С. 16–22

²⁹ Моев В. Бразды управления. Диалог с акад. В. М. Глушковым. Изд. 2-е, доп. / В. Моев. — 2-е изд. — М.: Политиздат, 1977. — С. 84.

Безусловно, в более широкой перспективе будет заметно, как социалистический акселерационизм компенсирует кибернетические сверхскорости радикальным замедлением, но пока необходимо зафиксировать саму общую тенденцию на ускорение, сдерживаемое неповоротливой рыночной системой. А она не просто неповоротлива — это нереформируемый пережиток, анахронизм, активно сопротивляющийся появлению нового глобального кибермеханизма. Конкуренция (и сопутствующая ей коммерческая тайна) в качестве основной движущей силы капиталистической экономики активно препятствует становлению единой сети управления. Рациональность электронно-кибернетического менеджмента наталкивается на стихийную иррациональность рынка. Впрочем, это касается не только ОГАС. Эгле Риндзевичуте подробно писала об интересе советского руководства к западным новинкам в области технологий управления — в послесталинский период появляется и огромное количество переводов западной литературы, и научно-популярных пересказов, и пересказов под видом идеологической критики, и, наконец, просто идеологической критики с минимум пересказа. И практически везде, хотя и в разной — в зависимости от жанра — стилистике, подчеркивался мотив «прерванной революции» — в данном случае революции менеджериальной: капиталистический Запад не выдерживает проверку собственной наукой. Какими бы достижения теории организации он ни демонстрировал, они находят применение только на уровне отдельных фирм или корпораций. Вот характерная цитата из разоблачительной книжки Самуила Эпштейна «Капитаны большого бизнеса»:

Элементы организации и планирования соседствуют с хаосом капиталистической анархии. Эта анархия усугубляется общим ростом нестабильности современного капитализма. Среда, в которой действует капиталистическое мероприятие, в важнейших своих аспектах становится все более непредсказуемой. Буржуазного управляющего выбивает из колеи неустойчивость не только экономическая, но также социальная и политическая. ... Этот элемент неопределенности в особенности характерен для решений на самом высоком уровне. В итоге, несмотря на растущее применение электронно-вычислительной техники и другие приемы научного управления, бизнес остается азартной игрой с чрезвычайно возросшими ставками³⁰.

Здесь не без умысла приводится отрывок из сугубо пропагандистской работы, фактически целиком написанной на идеологическом языке «авторитетного дискурса» (Алексей Юрчак)³¹. При этом он почти совпадает с тем, что говорит Глушков, которого сложно заподозрить в перформативной игре с этим дискурсом — жесткая критика рыночного анархизма является диагностически важной для всего его проекта в целом. Наверное, имеет смысл говорить, что даже после смерти Сталина авторитетный дискурс не просто воспроизводился, попутно легитимируя множество по-настоящему интересных занятий через описанные Юрчаком механизмы, но и был ставкой в реальной и серьезной идейной борьбе. О том, как такая борьба за метадискурс шла в позднесоветской историографии, подробно писал Тимур Агнашев. В статье «Михаил Гефтер, Павел Волобуев и другие мастера позднесоветского дискурса. Дополняя Алексея Юрчака» Агнашев пишет:

Я постараюсь на примере позднесоветской историографии показать, что как минимум в течение двадцати лет после смерти Сталина вокруг потенциально пустого места хозяина публичной речи шла активная интеллектуальная, публичная и административная борьба. Мне представляется, что для более адекватного и полного понимания как антропологических изменений постсталинского периода, так и перестройки важно дополнить оптику перформативного сдвига встречной интерпретацией, которая обращает внимание на значимость констатирующих актов и методологически исходит из логики языкового реализма и рационального дискурса...³²

По всей видимости, что-то похожее наблюдается и в случае с Глушковым. Меньше всего, конечно, его можно заподозрить в циническом

³⁰ Эпштейн С. Капитаны большого бизнеса: социальный портрет менеджера / С. Эпштейн. — М.: Политиздат, 1979. — С. 110, 112.

³¹ См. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. Согласно Юрчаку, после смерти Сталина никто из советских руководителей не решался творчески редактировать «авторитетный дискурс» (дискурс советской идеологии). Этот дискурс просто бесконечно воспроизводился: «повсеместное копирование и цитирование ... стандартных форм авторитетного дискурса превратилось в самоцель». При этом он подвергся перформативному сдвигу, который «открыл возможность для возникновения в советской повседневности огромного числа новых, неожиданных смыслов, способов существования, видов субъектности, форм социальной и типов общения».

³² Агнашев Т. Михаил Гефтер, Павел Волобуев и другие мастера позднесоветского дискурса. Дополняя Алексея Юрчака / Т. Агнашев // Неприкосновенный запас. — 2023. — № 2 (148). — С. 43–63.

двоемыслии и скрытом диссидентстве. Но и в схему, предложенную Алексеем Юрчаком, его публичная стратегия укладывается не слишком хорошо. Глушков не просто использовал перформативный сдвиг авторитетной речи для того, чтобы спокойно заниматься своим делом. Скорее, вполне разделяя ее фундаментальные принципы, он стремился к тому, чтобы отредактировать эту речь в, как ему казалось, необходимом кибернетическом ключе. Впрочем, этот сложный вопрос, безусловно, требует отдельного исследования – здесь нам было важно лишь указать на общий топос советской критики западного научного менеджмента.

Кибернетика и диалектика, аутопоэзис и негация

Если вернуться к историософским спекуляциям Глушкова, то обнаруживается, что за гладкой советской речью (не)скрывается ее радикальное содержание. Сами того не зная, большевики «суверенным» революционным жестом расчистили поле для подлинной революции — кибернетической:

Электронно-вычислительная техника — вот современное изобретение, которое позволяет перешагнуть через второй порог. Происходит исторический поворот по знаменитой спирали развития. Когда появится государственная автоматизированная система управления, мы будем легко охватывать единым взглядом всю экономику. На новом историческом этапе, с новой техникой, на новом возросшем уровне мы как бы проплываем над той точкой диалектической спирали, ниже которой, отдаленной от нас тысячелетиями, остался лежать период, когда свое натуральное хозяйство человек без труда обозревал невооруженным глазом. Люди начали с первобытного коммунизма. Большой виток спирали поднимает их к коммунизму научному³³.

Выражение «научный коммунизм» приобретает здесь явную двусмысленность – это не только раздел марксизма-ленинизма, «выясняющий две группы проблем: а) всемирно-исторической роли рабочего класса, условий и форм его классовой борьбы за победу социалистической революции; б) закономерностей путей и способов

³³ Моев В. Моев В. Бразды управления. Диалог с акад. В. М. Глушковым. Изд. 2-е, доп. / В. Моев. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1977. – С. 92.

построения социализма и коммунизма»³⁴. Это еще и технонаучный коммунизм в прямом смысле — установленный и «подключенный» учеными-кибернетиками в ответ на фазовый скачок информации. Но путь к такому киберкоммунизму прокладывался рискованным октябрьским восстанием 1917 года и кровавой гражданской войной, которую выиграли совсем неученые рабочие и крестьяне.

Глушков часто переходит с кибернетического способа мышления (и соответствующего языка) на диалектический, самым актом такого перехода устанавливая между ними отношения эквивалентности. В относительно недавно переведенной на русский язык работе «Расчет и страсть» немецкий литературовед Йозеф Фогль подробно анализирует то, что он называет «романтической экономикой». Следуя в своем анализе за гувернаментальными штудиями Мишеля Фуко, Фогль показывает, что в пронизанных диалектикой социальных концепциях немецких романтиков (Фихте, Новалиса/Гарденберга, Шеллинга, Адама Мюллера) впервые демонстрирует себя автономная и саморегулируемая экономическая система, избегающая как суверенного произвола, так и непрерывной полицейской регламентации. Так, у Новалиса экономика становится языком, на котором описываются другие системы, вернее — «экономическое мотивирует дистрибуцию дискурсов и их энциклопедическое переплетение, обеспечивающееся самореферентным удвоением...»³⁵. При этом описание систем у Новалиса квалифицируется Фоглем в качестве кибернетического. Речь идет о своего рода романтической диалектике органического аутопоэзиса, где «цели и средства, причины и действия взаимно определяют друг друга, и каждый продукт одновременно есть нечто продуцирующее и тем самым демонстрирует замкнутую на себя каузальность и аутопоэтическую организацию»³⁶. Примерно также — кибернетически — Фогль описывает и диалектику раннего Шеллинга³⁷.

³⁴ Основы научного коммунизма. Академия общественных наук при ЦК КПСС / П. Н. Федосеев (руковод.), Е. И. Бугаев, Ф. М. Бурлацкий [и др.]. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1967. – С. 4–5.

³⁵ Фогль Й. Расчет и страсть. Поэтика экономического человека / Й. Фогль. – М.: Издательство Института Гайдара; СПб.: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2022. – С. 441.

³⁶ Там же. С. 483.

³⁷ Фогль кратко останавливается на натурфилософском тексте Шеллинга «О мировой душе».

В надиктованных перед самой смертью воспоминаниях Глушков говорит, что «перед десятым классом ... прочел “Историю философии” и “Натурфилософию” Гегеля». И далее — «В первые годы учебы (в Новочеркасском индустриальном институте. — И.К.) я стал известен как студент, знающий досконально все области математики, а также основные сочинения Гегеля и Ленина»³⁸. Как можно заметить, глушковская кибернетическая концепция менее всего напоминает беспроблемный органический аутопоэзис — акцент на разрыве, на работе негативности, на «суверенном» полюсе решения делает его нестандартное кибернетическое мышление близким (до известного предела) скорее именно гегелевской диалектике. У Гегеля — если вспомнить диалектику раба и господина в «Феноменологии духа» — суверенность всегда связана с экзистенциальным риском, с возможностью реальной гибели, со становлением радикальной субъективности как «чистой негацией своего предметного модуса»³⁹.

Конечно, тексты Глушкова — и сугубо научные, и научно-популярные — дают слишком мало собственно философского материала, чтобы выстроить серьезную генеалогию его спекулятивной мысли. Но обращение к диалектике — явно не просто дань официальной идеологии. Процесс перехода от родового строя к современности с ее вторым информационным порогом можно описать на языке кибернетики второго порядка, в терминах аутопоэзиса, а можно на диалектическом языке снятия — раздвоение единого на две противоположности (политику и экономику, иерархическую вертикаль и сетевую горизонталь) и их последующее снятие в новом единстве управленческой киберсети, у которой, впрочем, на качественно новом уровне опять появляются полюса «решения» и «авторегуляции». Но именно этот второй — диалектический — язык и позволяет сделать акцент на необходимости суверенного волевого вмешательства, причем двойного: сначала революционная расчистка поля для киберуправления (освобождение от слишком медленного капиталистического рынка и его политической инфраструктуры, отягощенных в случае

³⁸ Маленькие рассказы о больших ученых. Юбилейный сборник избранных публикаций Н. Амосова, С. Лебедева, В. Глушкова и воспоминаний современников / под ред. Б. Н. Малиновского. — Киев: Горбоец, 2013. — С. 169, 172.

³⁹ Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. — СПб.: Наука, 1992. — 442 с. — С. 101. Более подробно о трансгрессивной суверенности у Гегеля в контексте европейской политической теологии см.: Ямпольский М. Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима / М. Ямпольский. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. — С. 658–662.

с Россией еще и феодальными пережитками), а затем – кибернетический рывок, также требующий, до поры до времени во всяком случае, «суверенной» поддержки. Не зря Глушков слыл знатоком и Гегеля, и Ленина. Понятно, что заверения в верности ленинской мысли и ленинскому делу — необходимый ритуал советской публичной речи практически во всех ее вариантах. Но в контексте затрагиваемых Глушковым тем цитируемая им фраза Ленина о том, что любая политика лучше политики колебаний, звучит совсем не ритуально.

Отвечая на вопрос Моева, как лучше вводить ОГАС — «круто» или «постепенно», Глушков вновь формулирует «децизионистское» решение проблемы:

Начинается с принципиального и радикального решения – быть посему! В нем очерчивается весь объем задуманной перестройки⁴⁰ и — что очень важно — полный срок, в течение которого она должна быть осуществлена. Это заставляет всех настроиться решительно, отбивает охоту ставить палки в колеса, кивая на разного рода трудности, шероховатости, встречающиеся по ходу дела. Когда программа защищена таким основополагающим решением (в этом “крутизна”!), все силы исполнителей направляются к последовательному (в этом “постепенность”!) достижению поставленной изначально цели и в намеченный срок. ... От ошибок, конечно, никто не застрахован. И все же кардинальное решение необходимо. Если в нем обнаружится впоследствии крупная ошибка, принципиальное решение должно быть изменено не потихоньку, а также решительно и открыто⁴¹.

Новая субъективность?

Бенджамин Питерс убедительно показал в своей книге, что предполагавшаяся внедрением ОГАС децентрализация советской экономики могла быть осуществлена только централизованно, а как раз централизация была, как это ни парадоксально, слабым местом советской системы, давно превратившейся в дерегулированный административный рынок. Стараясь играть по правилам этого рынка,

⁴⁰ Стоит отметить, что слово «перестройка» одно из наиболее часто встречающихся в «Браздах...». Напомним, что второе издание книги, которое здесь цитируется, вышло в 1977 году.

⁴¹ Моев В. Бразды управления. Диалог с акад. В. М. Глушковым. Изд. 2-е, доп. / В. Моев. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1977. – С. 175–176.

Глушков проиграл. Или его суверенный напор был слишком сильным, или, напротив, слишком слабым — в любом случае именно полюс «решения» оказался наиболее уязвимым. Речь в данном случае не идет о внешней оценке эффективности ОГАС — мы пытаемся реконструировать точку зрения самого Глушкова, а он в эффективности своей автоматизированной системы был абсолютно уверен. Но будучи уверенным в ОГАС, он заранее подозревал «человеческий фактор» в некоторой ненадежности. Рассказывая Моеву о самых разных функциях своей системы, он довольно подробно останавливается на воспитательном-дисциплинарной аспекте ее работы. Если бы ОГАС удалось запустить, то косвенно — буквально по Фуко, через управление средой — удалось бы запустить и производство новой не-либидинальной советской субъективности. Процесс бы тогда замкнулся, став по-настоящему аутопоэтическим, и нам пришлось бы столкнуться с целой серией парадоксов. Однако рассмотрение этих парадоксов требует дополнительного исследования и отдельного обстоятельного разговора. Но уже сейчас можно с уверенностью сказать, что археологические «раскопки» советских киберуправленческих проектов сулят множество находок, чье значение и для современной ситуации сложно переоценить.

Библиография

1. Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе / Л. Р. Грэхэм. — М.: Политиздат, 1991. — 480 с. — ISBN 5-250-00727-9.
2. Берг А. Кибернетику — на службу коммунизма / А. Берг // Возможное и невозможное в кибернетике. Сборник статей / под ред. академиков А. Берга и Э. Кольмана; составитель В. Д. Пекелис. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 224 с.
3. Малиновский Б. История вычислительной техники в лицах / Б. Малиновский. — Киев: фирма «КИТ», ПТОО «А. С. К.», 1995. — 384 с. — SBN 5-7707-6131-8.
4. Малиновский Б. Н. Нет ничего дороже... / Б. Н. Малиновский. — К.: Горобець, 2005. — 336 с. — ISBN 966-8508-04-1.
5. Gerovitch S. From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics / S. Gerovitch. — Cambridge: Mit Press, 2002. — 369 p. — ISBN 0-262-07232-7.

6. Абрамов Р. Советские технократические мифологии как форма «теории упущенного шанса»: на примере истории кибернетики в СССР / Р. Абрамов // Социология науки и технологий. – 2017. – Том 8. № 2. – С. 61–78.

7. Peters B. How Not to Network a Nation: The Uneasy History of the Soviet Internet / B. Peters. – Cambridge: MIT Press, 2016. – 312 p. – ISBN 9780262534666.

8. Кобылин И. «Правда», «Время» и кибернетика: непростая история позднесоветских медиа / И. Кобылин // Новое литературное обозрение. – 2019. – № 4 (158). – С. 306–319.

9. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2011. – 544 с. – ISBN 978-5-02-037115-6.

10. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2010. – 448 с. – ISBN 978-5-02-025439-8.

11. Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах / М. Дин. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 592 с. – ISBN 978-5-7749-1190-5.

12. Rindzeviciute E. The Power of Systems: How Policy Sciences Opened Up the Cold War World / E. Rindzeviciute. – Ithaca; London: Cornell University Press, 2016. – 306 p. – ISBN 9781501703188.

13. Rose N. Powers of Freedom: Reframing Political Thought / N. Rose. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 334 p. – ISBN 0521659051.

14. Конрадова Н. Археология русского интернета. Телепатия, телемосты и другие техноутопии холодной войны / Н. Конрадова. – М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2022. – 288 с. – ISBN: 978-5-17-136499-1.

15. Моголь Г. Записки Б. С. Безумцева, кандидата неких наук / Г. Моголь // Философия Э. В. Ильенкова и современность. Материалы XVIII Международной научной конференции «Ильенковские чтения». Белгород. 28–29 апреля 2016 г. / под общ. ред. А. Д. Майданского. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. – С. 10–15.

16. Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления / Дж. Агамбен. – М.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. – 552 с. – ISBN 978-5-93255-521-7.

17. Рыклин М. Коммунизм как религия: Интеллектуалы и Октябрьская революция / М. Рыклин. – М.: Новое литературное обозрение,

2009. – 136 с. – ISBN 5867937240.

18. Маленькие рассказы о больших ученых. Юбилейный сборник избранных публикаций Н. Амосова, С. Лебедева, В. Глушкова и воспоминаний современников / под ред. Б. Н. Малиновского. – Киев: Горобец, 2013. – 400 с.

19. Моев В. Бразды управления. Диалог с акад. В. М. Глушковым. Изд. 2-е, доп. / В. Моев. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1977. – 254 с.

20. Берг А. Наука величайших возможностей / А. Берг // Природа. – 1962. – № 7. – С. 16–22.

21. Эпштейн С. Капитаны большого бизнеса: социальный портрет менеджера / С. Эпштейн. – М.: Политиздат, 1979. – 256 с.

22. Атнашев Т. Михаил Гефтер, Павел Волобуев и другие мастера позднесоветского дискурса. Дополняя Алексея Юрчака / Т. Атнашев // Неприкосновенный запас. – 2023. – № 2 (148). – С. 43–63.

23. Основы научного коммунизма. Академия общественных наук при ЦК КПСС / П. Н. Федосеев (руковод.), Е. И. Бугаев, Ф. М. Бурлацкий [и др.]. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1967. – 576 с.

24. Фогль Й. Расчет и страсть. Поэтика экономического человека / Й. Фогль. – М.: Издательство Института Гайдара; СПб.: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2022. – 656 с. – ISBN. 9785932555828.

25. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1992. – 442 с. – ISBN 5-02-028167-0.

26. Ямпольский М. Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима / М. Ямпольский. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 800 с. – ISBN 5-86793-279-6.

Cybernetic decisionism of academician Glushkov

Igor Kobilin — associate professor of the Department of Theory and History of Humanitarian Knowledge at the Russian State University for the Humanities, lecturer of the Political Philosophy program at the Moscow School of Social and Economic Sciences, associate professor at PIMU; candidate of philosophical sciences; e-mail: kigor55@mail.ru.

Keywords: governmentality, cybernetics, decisionism, Soviet philosophy, political theology, autopoiesis, dialectical negation

The article analyzes the OGAS project led by academician Viktor Glushkov through the lens of Michel Foucault's theory of governmentality. Glushkov is often seen as a strict technocrat aiming to create an all-encompassing system of machine control, and his colleagues sometimes suspected him of focusing exclusively on technical regulation of socio-economic processes. However, this study reveals a more nuanced view. Glushkov's vision of cybernetic management involved not only a system of machine analytics but also a «sovereign» decision-making element. This dual-structured management model exhibits self-similarity, becoming a «sovereign» authority over the established economic administration system, where adherence to automated regulations and circulars in turn generates an informal «sovereign» excess. This fractal nature of the OGAS project is further reflected in Glushkov's historiosophical insights: by addressing the challenge of crossing the second information barrier, he illustrates how OGAS dialectically sublates the dualism between hierarchical politics and the commodity-money economy of the previous era, integrating their core aspects into a new unity of cyber-governmentality. Through this dialectical (Hegelian) approach, Glushkov underscores the necessity of sovereign, volitional intervention. At the same time, recognizing the vulnerability of this «sovereign» element, he proposed that a technically managed social environment could foster the emergence of a new form of subjectivity.

References

1. Graham L. R. *Estestvoznanie, filosofiya i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Soyuze* [Science, Philosophy, and Human Behavior in the Soviet Union] / L. R. Graham. – Moscow: Politizdat, 1991. – 480 p. – ISBN 5-250-00727-9. (In Russian)
2. Berg A. *Kibernetiku – na sluzhbu kommunizma* [Cybernetics in the Service of Communism] / A. Berg // *Vozmozhnoe i nevozmozhnoe v kibernetike. Sbornik statey* [Possible and Impossible in Cybernetics. Collection of Articles] / Ed. by Academicians A. Berg and E. Kolman; Compiler V. D. Pekelis. – Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963. – 224 p. (In Russian)
3. Malinovskiy B. *Istoriya vychislitel'noy tekhniki v litsakh* [The History of Computing in Personalities] / B. Malinovskiy. – Kyiv: Firma «KIT», PTOO «A. S. K.», 1995. – 384 p. – ISBN 5-7707-6131-8. (In Russian)
4. Malinovskiy B. N. *Net nichego dorozhe...* [There Is Nothing More Precious...] / B. N. Malinovskiy. – Kyiv: Gorobets, 2005. – 336 p. – ISBN 966-8508-04-1. (In Russian)
5. Gerovitch S. *From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics* / S. Gerovitch. – Cambridge: MIT Press, 2002. – 369 p. – ISBN 0-262-07232-7.
6. Abramov R. *Sovetskiye tekhnokraticheskiye mifologii kak forma «teorii upushchennogo shansa»: na primere istorii kibernetiki v SSSR* [Soviet Technocratic Mythologies as a Form of «Missed Opportunity Theory»: The Case of Cybernetics in the USSR] / R. Abramov // *Sociology of Science and Technology*. – 2017. – Vol. 8. No. 2. – P. 61–78. (In Russian)
7. Peters B. *How Not to Network a Nation: The Uneasy History of the Soviet Internet* / B. Peters. – Cambridge: MIT Press, 2016. – 312 p. – ISBN 9780262534666.
8. Kobylin I. «Pravda», «Vremya» i kibernetika: neprostaya istoriya pozdnesovetskikh media [«Truth», «Time», and Cybernetics: A Complex History of Late Soviet Media] / I. Kobylin // *New Literary Review*. – 2019. – No. 4 (158). – P. 306–319. (In Russian)
9. Foucault M. *Bezopasnost', territoriya, naseleniye. Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu* [Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France, 1977–1978] / M. Foucault. – St. Petersburg: Nauka, 2011. – 544 p. – ISBN 978-5-02-037115-6. (In Russian)
10. Foucault M. *Rozhdeniye biopolitiki. Kurs lektsiy, pročitannykh v*

Kollezh de Frans v 1978–1979 uchebnom godu [The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978–1979] / M. Foucault. – St. Petersburg: Nauka, 2010. – 448 p. – ISBN 978-5-02-025439-8. (In Russian)

11. Dean M. Pravitelnos: vlast' i pravleniye v sovremennykh obshchestvakh [Governmentality: Power and Rule in Modern Societies] / M. Dean. – Moscow: Izdatel'skiy dom «Delo» RANHiGS, 2016. – 592 p. – ISBN 978-5-7749-1190-5. (In Russian)

12. Rindzeviciute E. The Power of Systems: How Policy Sciences Opened Up the Cold War World / E. Rindzeviciute. – Ithaca; London: Cornell University Press, 2016. – 306 p. – ISBN 9781501703188.

13. Rose N. Powers of Freedom: Reframing Political Thought / N. Rose. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 334 p. – ISBN 0521659051.

14. Konradova N. Arkheologiya russkogo interneta. Telepatiya, telemosty i drugie tekhnoutopii kholodnoy voyny [The Archaeology of the Russian Internet: Telepathy, Telebridges, and Other Techno-utopias of the Cold War] / N. Konradova. – Moscow: Izdatel'stvo AST: CORPUS, 2022. – 288 p. – ISBN 978-5-17-136499-1. (In Russian)

15. Mogol G. Zapiski B. S. Bezumtseva, kandidata nekiikh nauk [Notes of B. S. Bezumtsev, a Candidate of Certain Sciences] / G. Mogol // Filosofiya E. V. Il'enkova i sovremennost'. Materialy XVIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Il'enkovskiy chteniya». Belgorod. 28–29 aprelya 2016 g. [The Philosophy of E. V. Ilyenkov and Modernity. Materials of the XVIII International Scientific Conference «Ilyenkov Readings»]. – Belgorod: ID «Belgorod» NIU «BelGU», 2016. – P. 10–15. (In Russian)

16. Agamben G. Tsarstvo i Slava. K teologicheskoy geneologii ekonomiki i upravleniya [The Kingdom and the Glory: For a Theological Genealogy of Economy and Government] / G. Agamben. – Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara; Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University, 2018. – 552 p. – ISBN 978-5-93255-521-7. (In Russian)

17. Ryklin M. Kommunizm kak religiiia: Intellektualy i Oktiabrskaya revoliutsiia [Communism as Religion. The Intellectuals and the October Revolution] / M. Ryklin. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. – 136 p. – ISBN 5867937240. (In Russian)

18. Malen'kie rasskazy o bol'shikh uchenykh. Iubileyniy sbornik izbrannykh publikatsii N. Amosova, S. Lebedeva, V. Glushkova i vospominanii sovremennikov [Little Stories About Great Scientists: Anniversary Collection of Selected Publications by N. Amosov, S. Lebedev,

V. Glushkov, and Memories of Contemporaries] / B. N. Malinovskii (ed.) – Kyiv: Gorobets, 2013. – 400 p. (In Russian)

19. Moiev V. Brazdy upravleniia. Dialog s akad. V. M. Glushkovym. Izd. 2, dop. [The reins of power. Dialogue with Academician V.M. Glushkov. 2nd ed., revised] / V. Moiev. – Moscow: Politizdat, 1977. – 254 p. (In Russian)

20. Berg A. Nauka velichaiших возможностей [The Science of the Greatest Opportunities] / A. Berg // Nature. – 1962. – No. 7. – P. 16–22. (In Russian)

21. Epshtein S. Kapitany bol'shogo biznesa: sotsial'nyi portret menedzhera [Captains of Big Business: A Social Portrait of the Manager] / S. Epshtein. – Moscow: Politizdat, 1979. – 256 p. (In Russian)

22. Atnashev T. Mikhail Gefter, Pavel Volobuev i drugie mastera pozdnesovetskogo diskursa. Dopolniaia Alekseia Iurchaka [Mikhail Gefter, Pavel Volobuev, and Other Masters of Late Soviet Discourse. Supplementing Alexei Yurchak] / T. Atnashev // Neprikosnovennyi zapas [Emergency Ration]. – 2023. – No. 2 (148). – P. 43–63. (In Russian)

23. Osnovy nauchnogo kommunizma. Akademiia obshchestvennykh nauk pri TsK KPSS. Izd. 2. [Fundamentals of Scientific Communism. Academy of Social Sciences under the CPSU Central Committee. 2nd ed.] / P. N. Fedoseev (lead), E. I. Bugaev, F. M. Burlatskii [et al.]. – Moscow: Politizdat, 1967. – 576 p. (In Russian)

24. Vogl J. Raschet i strast'. Poëtika ekonomicheskogo cheloveka [Calculation and Passion: The Poetics of Economic Man] / J. Vogl. – Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara; St. Petersburg: Fakul'tet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU, 2022. – 656 p. – ISBN 9785932555828. (In Russian)

25. Hegel G. W. F. Fenomenologiya dukha [The Phenomenology of Spirit] / G. W. F. Hegel. – St. Petersburg: Nauka, 1992. – 442 p. – ISBN 5-02-028167-0. (In Russian)

26. Iampolskii M. Fiziologiya simvolicheskogo. Kniga 1. Vozvrashchenie Leviafana: Politicheskaiя teologiya, reprezentatsiia vlasti i konets Starogo rezhima [The Physiology of the Symbolic. Book 1. The Return of Leviathan: Political Theology, the Representation of Power, and the End of the Old Regime] / M. Iampolskii. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. – 800 p. – ISBN 5-86793-279-6. (In Russian)